

Сергей А. Танцура

Цивилизация

Сергей Александрович Танцура

Цивилизация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412445

ISBN 9785449035530

Аннотация

Сборник фантастических и мистических рассказов, которые объединяет одна тема: человек и его ответственность перед миром за свои поступки. Также добавлены мистические баллады «Выбор ворожеи», «Варяг и русалка» и «У Северных Врат».

Содержание

Цивилизация	5
Клад Кудеяра	5
Алатырь-камень	21
Волки	35
Упырь	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Цивилизация

Сергей Александрович Танцура

Иллюстратор Сергей Александрович Танцура

Иллюстратор <https://pixabay.com>

© Сергей Александрович Танцура, 2018

© Сергей Александрович Танцура, иллюстрации, 2018

© <https://pixabay.com>, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3553-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цивилизация

Клад Кудеяра

Иван Чёрный отёр рукавом распаренное лицо и махнул рукой своим помощникам:

– Опускай!

Те засуетились, развязывая перекинутую через охлупень верёвку, и на землю грузно повалилось нечто, что ещё час назад было человеком. Сейчас это «нечто» на человека походило мало: вывернутые под неестественными углами конечности, обугленные до черноты рёбра с запечёнными на них остатками мышц, кровавые лоскуты содранной со спины кожи... Нет, это совсем не походило на человека – боярина Василия Волошина, который встретил Ивана Чёрного во дворе своего терема, гордый от осознания собственной значимости. Как же он удивился, когда Иван вместо земного поклона стегнул его нагайкой, а затем, спешившись, добавил кулаком в зубы, сбив с ног. Удивился – и возмутился, ещё не понимая, что его судьба уже решена, и Иван – просто кат, приводящий приговор в исполнение. А люди Чёрного, не мешкая, кинулись в терем, и через минуту оттуда донёсся вой избиваемых слуг и домочадцев Волошина, и визг женщин, с которых срывали платья и опрокидывали прямо на пол, силой разво-

дя ноги. Услышав крики и своих жены с дочерью, Волошин перестал сыпать бранью и угрозами и попытался броситься домой, на помощь любимым. Но Чёрный вновь опрокинул его на землю и придавил сапогом, как червя. Он с нескрываемым наслаждением наблюдал за моральными муками и бессильной яростью этого нестарого ещё мужчины, внезапно оказавшегося в полной его власти и неспособного спасти даже самых близких ему людей. И не торопился добавлять к ним мучения физические – ради чего, собственно, Иван сюда и пожаловал. Только когда в тереме всё стихло, Чёрный – даже его ближники не знали, была то его фамилия или прозвище – убрал со спины плачущего боярина ногу и легонько пнул его носком сапога.

– Ну, подымайся, неча валяться-то!

– Вымески брыдлые¹! Да я ж вас на куски порву и псам своим скормлю! – дрожащим от ненависти голосом буквально прошипел Василий. Иван, услышав последние его слова, от души расхохотался.

– Так ведь мы и есть псы, да не простые, а государевы! – и он кивнул на отрубленную собачью голову, притороченную к седлу его лошади. – Али не признал, боярин?

Волошин сплюнул кровь из разбитого рта и опустил голову.

– Так-то оно лучше, – презрительно ухмыльнулся Чёрный. – А теперь ты мне расскажешь...

¹ Вымески брыдлые – выродки вонючие (старорусск.)

– Что? – глухо, не поднимая глаз, спросил Волошин.

– Всё! – посерьёзнев, отчеканил Иван. И, помедлив пару секунд, тяжело повторил: – Всё...

Когда спустя малое время Иван взялся за него всерьёз, Василий Волошин действительно рассказал ему всё, что знал – и был искренне опечален, что не знает больше. Однако Иван продолжал пытку до тех пор, пока боярин не начал повторяться. Только тогда Чёрный поверил, что Волошин не скрыл ни капли столь нужной опричнику информации. Впрочем, Иван не привык останавливаться на полпути и – для верности – приказал притащить на двор жену и дочь боярина. Когда тот увидел их – нагих, избитых, поруганных, – в глазах Волошина вспыхнул не гнев на сотворивших подобное, а – ужас. Он понял, что ждёт их – и завыл: неистово, безнадёжно, как не выл даже тогда, когда его самого жгли калёным железом и сдирали с него кожу.

– Я всё сказал, слышишь?! Всё! – хрипел он чёрными, запёкшимися от боли губами, на которых выступила кровавая пена. – Отпусти их, Христом-богом заклинаю!

– Государь наш, Иоанн Васильевич, тут единственный бог! – отрезал Иван, и в глазах его полыхнул мрачный огонь. – И в его воле казнить виноватых и миловать невинных, отделяя одних от других. Я же – оружие в его деснице, вершащее эту казнь! Давайте! – крикнул он своим подручным, и те, завалив жену Волошина Анастасию на землю, споро привязали четыре верёвки одним концом к её рукам

и ногам, а другим – к четырём лошадям.

– Тяни, – скучным голосом приказал Чёрный, и верёвки натянулись, приподняв распятую ими женщину над землёй.

– Ну? – повернувшись к висящему на импровизированной дыбе Василию, поднял одну бровь Иван. – Неужто ничего боле не вспомнил, а?

Если бы взгляд убивал, от Чёрного осталась бы горстка пепла, так посмотрел на него боярин.

– Тяни! – глядя ему прямо в глаза, скомандовал Иван. Лошади сделали по шагу вперёд, и все присутствующие явственно слышали хруст выворачиваемых суставов. Анастасия запрокинула голову назад и надсадно, по-звериному закричала.

– Ну?! – сквозь зубы выдавил Иван. Волошин не выдержал, перевёл взгляд на свою жену, и из его глаз ручьём полились слёзы.

– Прости, Настя, – еле слышно прошептал боярин. Иван тихо выругался и, помедлив секунду, крикнул: – Тяни!!!

Женский крик взвился на недостигаемую, невозможную высоту – и резко оборвался, сменившись звенящей тишиной. И чавкающим звуком разрываемой на куски плоти, от которого затошнило даже самых бывалых из людей Чёрного.

– Ну?! – остервенело заорал Иван, брызгая слюной в лицо Волошина. Но тот ни на что уже не реагировал, остановившимся взглядом смотря на то, что осталось от его жены.

– Девку сюда! – окончательно теряя над собой контроль,

рвякнул Чёрный. Опричники вытолкнули на середину двора, где ещё трепыхалось в конвульсиях расчленённое тело матери, её с Волошиным дочь – девчонку лет двенадцати, голую, в синяках и ссадинах, с кровью, засохшей уже на внутренней стороне её худеньких бёдер. Двигалась она, как сомнамбула, ничего не замечая вокруг, и казалось, что ей всё равно, где находится – здесь или где-нибудь ещё. «С глузду съехала²», – мелькнуло в голове Чёрного. Схватив её за расчёпанные волосы, он подтащил девчонку прямо к её отцу и зло сказал:

– Жёну свою ты не пожалел. А дочь? Тоже не пожалеешь? Боярин дёрнулся, словно от удара.

– Я сказал тебе всё, что знал! Всё! Что ещё ты хочешь от меня услышать?!

– Ты знаешь, что.

Волошин посмотрел на него полубезумным взглядом – и вдруг обмяк, сломавшись и душевно, и физически.

– Хорошо, я скажу. Кудеяр – это я. Я! Меня вы ищете, душегубы! Меня!

– Докажи! – подобравшись, как хищник перед прыжком, враз охрипшим голосом просипел Чёрный.

– На третьей версте за весью Шеффилд³, на Косой Горе, есть родник, который местные Святым почитают. За ним,

² С глузду съехала – с ума сошла (старорусск.)

³ Шеффилд – название поселения, находившегося прежде на месте современной Тулы

у реки Воронки, схрон мой. Там найдёшь всё золото, что скопил я, пока от вас, проклятых, лытал⁴. Метка у схрона – стрела на дубе вырезана, в корни указывает. По этой стреле пятнадцать шагов отмерь – там схрон и будет.

– Добро, – процедил опричник и, выхватив из-за пояса кинжал, перерезал девчонке горло. Страшно забулькав, она перевела удивлённый взгляд с отца на своего убийцу – и медленно опустилась на землю, как только Чёрный перестал удерживать её за волосы.

– Зачем? – без боли, устало спросил Волошин. – Я же во всём сознался.

– Так и я её пожалел – без мучений к Богу отпустил, – ответил Иван. И, отерев рукавом распаренное лицо, махнул рукой своим помощникам: – Опускай!..

...Опричники скакали налётом, не жалея коней. А за их спинами полыхало на полнеба зарево – горел терем Волошина, в котором билась, задыхаясь в ядовитом дыму, дворня боярина – последние свидетели опричного сыска. Таков был приказ самого государя: видокон не оставлять! – и опричники, подчинявшиеся непосредственно Иоанну Васильевичу, выполняли этот приказ со всем тщанием и прилежанием.

К седлу Ивана, рядом с оскаленной собачьей головой – знаком принадлежности к опричному сословию – был приторочен мешок с другой головой: головой Василия Волошина, доказательством исполненного как надо задания. Но Чёрный

⁴ Лытал – убегал, скрывался (старорусск.)

со своими ближниками скакал отнюдь не в столицу, пред очи Грозного; хоть и не слишком он доверял наговору боярина на самого себя, но очень уж хотелось проверить его слова о схроне. Мало ли что бывает в этой жизни? Как говорится: а вдруг? Тем более что крюк был невелик, а слухи о кладах Кудеяра – старшего брата Иоанна Васильевича, но об этом тсс! – были столь заманчивы, что уйти, даже не попробовав поискать, было выше человеческих сил. И даже опричных.

До Косой Горы добрались уже в сумерках. Соваться в лес – глухой, чёрный – на ночь глядя никому не хотелось, но Иван, в которого словно вселился бес, ждать утра не желал. И, стиснув во вспотевших ладонях кто крестик, кто ладанку, а кто и вовсе ведьмин оберег, опричники потянулись за ним в чащобу, по едва заметной лесной тропке, вившейся меж кряжистых дубов и седых лип.

Скрипнула потревоженная кем-то ветка, захохотала, заухала сова, чёрный ворон снялся с верхушки дерева и, оглушительно хлопая крыльями, умчался прочь, надрывно каркая. Потянуло холодом, и меж стволов поплыл прозрачный ещё, голубовато-серый туман.

– Может, всё-таки утром? – ёжась под кафтаном, несмело поинтересовался Мифодий – совсем молодой ещё опричник, со светлыми, как солома, волосами и некрасивым лицом, обсыпанным веснушками.

– Цыть! – одёрнул его Чёрный, потом, глянув на его белое от страха лицо, чуть смягчился и пояснил: – Тут недалече

осталось, скоро приедем ужо.

– А Митька-то наш в штаны наложил! – пряча собственный страх, гаркнул остальным Еремей, ражий детина, но с умом шестилетнего пацана. Однако силы у него было немерено, Иван сам видел, как этот «шестилеток» на спор поднял на ярмарке тридцатипудового битюга над головой. За что и ценили Ерёму, да и, что греха таить, побаивались остальные опричники. Вот и Мифодий почёл за лучшее промолчать... и правильно сделал: Еремей был ещё и чрезмерно обидчив, а удар его кулака валил с ног не то что человека, но и того же самого битюга. Это, кстати, Иван тоже видел сам.

Святой источник открылся им внезапно: идеально круглая поляна без единой травинки на ней – и ямина в её центре, похожая на воронку от взрыва, на дне которой клокотала, бормоча что-то на своём, недоступном простым смертным языке, вода.

Иван огляделся и на противоположной стороне поляны заметил тропинку, убежавшую дальше в лес.

– За мной! – коротко скомандовал он и тронул поводья.

Местность заметно понижалась, пахло сыростью – река была совсем рядом. Лошадь Чёрного осторожно ступала по склизкой тропе, тревожно всхрапывая, словно чувствовала неясную ещё, но явную, реальную угрозу. «Волков чует», – подумал Иван и проверил, легко ли выходит из ножен кривая, татарской ковки – память о казанском походе – саб-

ля. Но тут же забыл обо всём, заметив впереди, в просвете между замшелыми деревьями, мутный, словно зачернённый, блеск реки.

– Добрались! – с невольным облегчением выдохнул Иван, оглянувшись на свой отряд – и застыл, забыв закрыть рот. Позади него никого не было, только туман, превратившийся – когда только успел-то? – из прозрачной кисеи в непроницаемую белую стену, в которой без следа пропадали даже ближайšie деревья. И туман этот не клубился, не плыл и не растекался по округе, а стоял непоколебимо, словно и правда был стеной. И мрачно смотрел на замершего перед ним человека, как будто примериваясь для удара.

– Эй! Ну где вы там? Застряли, что ли? – попытался крикнуть Чёрный, но слова отказывались слетать с его губ, и вместо крика вышел свистящий, еле слышный шёпот. Но туман, похоже, всё-таки услышал его – и качнулся вперёд всей своей массой, пугающим прыжком сократив разделявшее их расстояние вдвое. Чёрный рефлекторно дёрнул поводья, заставив лошадь попятиться, и истово перекрестился.

– Отче наш, иже еси на небеси, – беззвучно забормотал Иван, и холодный пот выступил у него на лбу. – Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...

Туман застыл, словно налетел на незримое препятствие, и Иван тихонько перевёл дыхание. Он чувствовал – знал! – что молочная стена остановилась совсем ненадолго, и теперь судорожно озирался вокруг, ища выход, пока она не возоб-

новила своё движение. По всему выходило, что выход был только у реки – лишь там туман ещё не сгустился до полной непроницаемости, а выглядел обычной лёгкой дымкой, смягчавшей даль, а не пожиравшей её без остатка. И, отбросив колебания, Чёрный дал лошади шпор, стремясь поскорее выбраться из этого страшного места.

Берег Воронки («Из-за чёрной воды или из-за воронки Святого источника?») – мелькнула мысль у Ивана) был топкий, заболоченный, заросший куртинами осоки и камыша. Пахло тиной и дохлой рыбой, но Чёрный, ощутив свободу, с удовольствием вдыхал эту вонь, подняв лицо к чистому небу, на котором зажигались уже первые звёзды.

– Пронесло, – с невыразимым облегчением вымолвил Иван. Оглянувшись на лес, он погрозил ему кулаком. – Что, не взяли? – с весёлой злостью крикнул он прямо в чёрную чащу, и лес угрюмо отозвался шелестом листвы и скрипом ветвей. – Да и не могли взять! Слабы вы супротив опричника милостью государевой! Как есть слабы! Тьфу! – он презрительно плюнул и развернул лошадь вдоль реки, надеясь уже к утру выбраться на большак. И не поверил своим глазам, узрев на подступавшей к самой воде старой липе – так ведь не было тут дерева-то! Али... было? – знак в виде белой, едва ли не светящейся стрелы, обращённой остриём вниз. «Клад Кудеяра!» – полыхнуло в мозгу Ивана, как молния, и, забыв все свои страхи, он быстро спешил.

– Сколько ты там говорил? – обратился Чёрный к голове

Волошина, привязанной к седлу. – Пятнадцать шагов?

И, повернувшись спиной к липе, бодро зашагал в указанном стрелой направлении. Однако на пятом шаге ему преградила путь река, и Иван вынужден был остановиться.

– Неужто шаги у тебя были такие маленькие? – не замечая, что говорит вслух, задумчиво произнёс Чёрный. – Или...

Взгляд его в сгущающемся ночном мраке заприметил у берега что-то тёмное. «Островок!» – мелькнула догадка. Иван прикинул расстояние до него. Выходило аккурат шагов десять, не больше. Охваченный азартом, опричник вошёл в воду, даже не сняв сафьяновых сапог, и зашлёпал по мелководью, распугивая лягушек. «Четырнадцать... Пятнадцать!» – мысленно считал он – и не удивился, на последнем счёте ощутив под ногами землю. Опустившись на корточки, пошарил рукой вокруг. Под влажным дёрном гулко отозвалась пустота, и губы Ивана раздвинулись в довольной усмешке. «А вовремя вы, други мои, сгинуть в лесу удумали, – подумал Чёрный о своём отряде. – Теперь всё золото моё будет! И ни с кем делиться не придётся! Даже с царём!»

Крамольная мысль несказанно развеселила Ивана – и за меньшее он сам сажал смутьянов на кол, – но он сумел сдержать неуместный смех и принялся судорожно разгребать напитанную влагой землю. Вскоре его пальцы нашупали край люка, сбитого из дубовых слег, вцепившись в него, рванули... С чавканьем, неприятно напомнившим казнь боярской жены, сырой дёрн отпустил люк, и Иван посмотрел

вниз, в зев подземелья. Темно... Конечно же, темно – ночью, да ещё и под землёй! Но почему же кажется, что там, в этой темноте, что-то желтеет, блестит в свете звёзд, призывно и загадочно, как... золото! Не помня себя, Иван свесил ноги в пустоту люка и сиганул вниз, даже не подумав, какой глубины может быть этот схрон. Для него сейчас не существовало ничего, кроме рыжего металла, и ничто не могло остановить Ивана на пути к нему.

Приземлился он мягко – «кошкой», только разбрызгал натёкшую на дно схрона речную воду. И устремился туда, где видел таинственный блеск, уже предвкушая звон монет в своих руках. Но вместо монет наткнулся на что-то мягкое, холодное и мокрое. Склонился, пытаюсь рассмотреть получше – и отпрыгнул назад, едва не заорав от ужаса.

Здесь были они все: и Мифодий, и Еремей, и остальные опричники, составлявшие отряд Чёрного. Сваленные в бесформенную кучу, они тарасились на Ивана пустыми бельмами мёртвых глаз, и по ним непрерывным потоком стекала вонючая речная вода...

– По трудам и награда, – раздался вдруг шипящий, странно булькающий голос, словно говоривший пытался разговаривать, сидя по ноздри в воде.

– Что?! – взвился Иван, выхватив саблю. – Кто здесь?!

– Не узнаёшь? – насмешливо пробулькал тот же голос. Мрак вокруг внезапно посерел, раздался – и перед остолбеневшим Иваном из ниоткуда возникла девочка. Нагая, с рас-

трёпанными волосами – и перерезанным от уха до уха горлом. Иван дико закричал – и рубанул её саблей, от плеча, наотмашь. Сабля свистнула, не встретив препятствия, и едва не вылетела из пальцев вконец очумевшего Чёрного.

– Спрячь сабельку-то, – презрительно фыркнула навка⁵,

⁵ Навка – восставшая из мёртвых

и глаза её засветились зеленоватым, гниlostным светом. – Тебе она уже не поможет, а мне не повредит: мёртвое убить невозможно.

И мертвячка зашлась кудахтающим смехом, от которого волосы на голове Ивана встали дыбом.

– Не... подходи, – сипло выдохнул он, отступая к дальней стене, и бросил затравленный взгляд наверх, примериваясь, как выскользнуть из этого кошмарного склепа. Но не успел. Навка, предугадав его желание, махнула рукой, и тяжеленный люк с грохотом захлопнулся, отрезав все пути бегства.

– По трудам и награда, – веско, с нажимом повторила мёртвая дочь Волошина, и за её спиной задёрнулись, зашевелились мёртвые опричники, пытаясь расцепиться и принять вертикальное положение, совсем не свойственное покойникам. Навка снова захохотала. И Иван, с головой накрытый чёрной волной паники и не контролируемого, животного ужаса, повернулся к мокрой, осклизлой стене схрона – и принялся царапать её пальцами, разбрасывая комья глины и земли. И беспрерывно воя, как угодивший в капкан волк. А вода, лившаяся по вставшим на ноги трупам, медленно надвигавшимся на своего бывшего предводителя, продолжала прибывать, поднявшись уже до колен обезумевшего Ивана...

...Василий Волошин, не зря прозванный Кудеяром – кудесником ярым – задул громницу⁶ и принялся неспешно собирать со стола инструменты своего колдовского ремес-

⁶ Громница – последняя свеча, которую зажигают, вставив в руки покойника

ла. Только чашу, полную гнилой, вонючей воды, он не трогал. На её поверхности, куда Волошин старался не смотреть, неторопливо таяли заполошные тени, словно бы растворявшиеся в мутной глубине, и бледно светилось крошечное пятнышко, чем-то похожее на силуэт обнажённой девочки.

– Может, отпустим его? – зябко поведя худенькими плечами, тихо спросила стоявшая рядом с отцом Варвара.

– Ты видела, что они сделали бы с нами, если бы я им это позволил, – качнув головой, глухо отозвался Волошин. И жёстко закончил, словно отрезал: – По трудам и награда!

Девочка шмыгнула носом, но промолчала, и боярин был ей за это благодарен.

– Идём, – мягко сказал он дочери, обнимая её за плечи. – Мама уже ждёт.

И они вышли из потайной комнаты в светлицу, где за столом, накрытым к ужину, их уже ждала улыбающаяся Анастасия...

Алатырь-камень

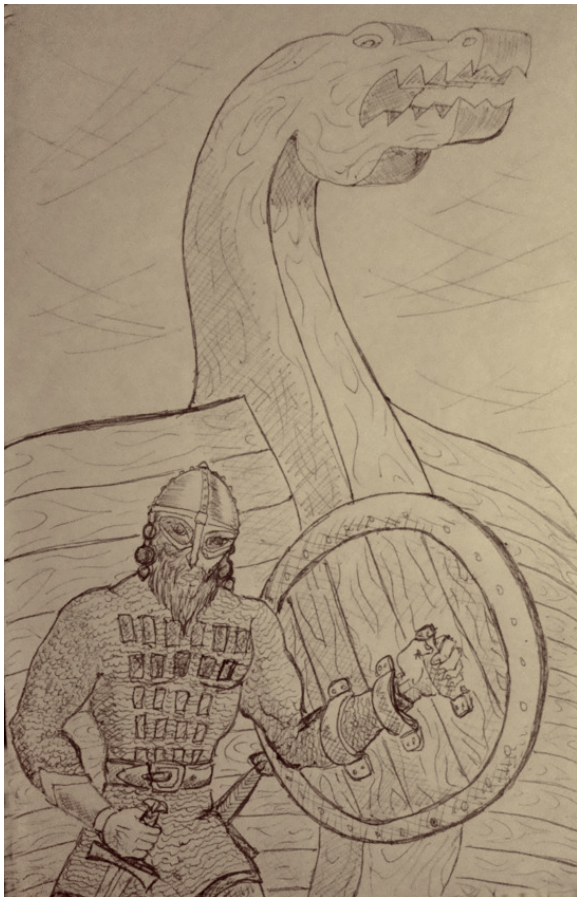
Камень не был ни белым, ни горячим, ни даже Алатырём. Это был алтарь. Алтарь чужого, непонятого – и не принятого – здесь, на холодном и неприветливом севере, бога Бэла, Баал-Зебуба, ставшего на своей родине демоном, исчадием ада, воплощением зла – и изгнанного прочь новым, не ведающим пощады, хоть и прикрывавшимся историями о всепрощении божеством. Однако жрецы и апологеты Бэла не предали своего повелителя, и став, как и он, изгнанниками, сохранили веру в него – и ритуалы, эту веру укреплявшие и поддерживающие. Ритуалы, основанные на крови многочисленных жертв, чьими страданиями и питался Бэл, и чьё горе и превратило обагрённый этой кровью алтарь в горячий камень. Камень, обладавший силой своего божества, и являвшийся его пиршественным столом...

– Потихе, черти! – оглянувшись через плечо, прошипел Усмарь. Обмотанные тряпицами вёсла и так почти бесшумно резали гладь озера, но Усмарю всё равно казалось, что плеск их разносится далеко окрест, перебудив тех, кого будить не следовало.

– Будь покоен, дядько, – таким же шипящим шёпотом отозвался Юрко, рыжий, рябой от перенесённой в детстве оспы – никто не верил, что малец выживет, и только мать, рано поседевшая Верена, не сдавалась. И выходила-таки своё

дителя, хотя чем она заплатила за его жизнь, знала только она – да бабка-ведунья, снабжавшая её отварами колдовских трав. Но слухами земля полнится, и люди до сей поры шептались, глядя вслед Верене, что не только лишь травы сохранили её сына; был и договор, заключённый ею с незримой силой, обретавшейся на острове Буяне – с демоном Бэлом, бывшим некогда чужеземным богом. И платой за жизнь Юрка стала её, Верены, душа. Сама Верена не обращала на эти толки никакого внимания, продолжая жить, как жила. И только ранняя седина, январским инеем укрывшая её некогда рыжие, как у Юрка, косы, да мрачный, какой-то пустой взгляд, на дне которого тлела затаённая, неизбывная боль, напоминали о той бездне, в которую ей довелось заглянуть.

Ушкой беззвучно ткнулся в прибрежные камыши. Неторопливо разобрал сложенное на его дне оружие, дружинники соскользнули из лодки в холодную склизь и медленно побрели к берегу, осторожно раздвигая высившийся перед ними сплошной стеной тростник. Усмарь, шедший впереди, каждую секунду ожидал окрика или, того пуще, свиста стрелы, и пот обильно катился из-под стального шлема ему на лицо, несмотря на предутреннюю прохладу.

Выбравшись из камышей, дружинники замерли, оглядывая открывшуюся им картину. Никто из них на острове до сего дня не бывал, и место, где им предстояло исполнить

порученное им дело – или умереть, как мрачно и совсем не ко времени подумал Усмарь – было для них в новинку.

Буян был совсем невелик – в три перелёта стрелы во все стороны, не больше. Просто безлесый каменистый прыщ на лице мутного Нево, каких здесь встречается великое множество. Но именно этот прыщ облюбовали пришлые волхвы, избрав его местом нового жительства их чёрного божества.

Кто-то из дружинников негромко присвистнул. Усмарь вздрогнул, но не оглянулся, не в силах оторвать взгляд от простирившегося перед ним храма.

Храм был небольшой, но исходящее от него ощущение скрытой мощи и угрозы заставляло ёжиться даже самых бесстрашных воинов. Каменные, грубо отёсанные столбы окружали плотно утрамбованную площадку, в центре которой возлежал он – Алатырь, камень, прочно вросший в канву едва ли не всех русских сказок. И именно этот камень Усмарь со-товарищи должен был исторгнуть с его места, выкорчевать, чтобы и следа его не осталось на этой земле. Так повелел великий князь Юрий Владимирович, прозванный Долгоруким – даже в самом Киеве ощущали крепость княжеской длани, простирившейся из лесного Суздаля. А ему, князю, так повелели древние волхвы, с которыми он советовался по поводу новой столицы. Впрочем, о волхвах были только слухи, полученные от мало внушавших доверие людишек, и Усмарь постарался выкинуть эти мысли из головы. Не его это было дело – всякие волхования; его дело заключалось

в избавлении земли русской от гнёта иноземной бесовщины, и дело это Усмарь намеревался выполнить во что бы то ни стало.

– Пошли, – выдохнул он своим присмирившим людям и сам первым тронулся вперёд, к четырём деревянным, укрытым дёрном избам, окружавшим храм с четырёх сторон.

...Сражения, которого Усмарь так опасался в глубине души, не было. Никто не выскочил навстречу дружинникам из изб, брэнча оружием и воинственно вопя во всю силу могучих лёгких, никто не показывал чудеса боя, которыми так славились местные жрецы – якобы один такой жрец, даже безоружный, стоил десяти самых умелых воинов. Всё прошло тихо и как-то... обыденно, что ли, и от этой обыденности в душе Усмаря копошились теперь чёрные предчувствия, похожие на обгладывающих разлагающийся труп червей. Окружив все четыре избы одновременно, дружинники подпёрли их двери найденными здесь же чурбачками, потом содрали со стен защищавший их дёрн и, обложив избы сухим камышом и дровами, запалили их. Жирный клубящийся дым четырьмя столбами вознёсся в светлеющее небо – и через полчаса растаял в нём бесследно, оставив после себя четыре горки золы и потрескивающие, рассыпаясь в пепел, головни, среди которых кое-где проглядывали почерневшие от жара кости.

– Даже не пискнули, – ухмыльнулся во всклокоченную, чёрную как смоль бороду Сибур, старый дружинник, утирая

ладонью вспотевший лоб.

– Угорели небось, – равнодушно пожал широченными плечами Тогай, налысо бритый по обычаю своего народа татарин. Усмарь, слышавший их разговор, недовольно хмыкнул.

– Небось да авось неплохо жилось, да только у них было всё вкривь и вкось, – проворчал он, не переставая ощущать нависшую над всеми ними угрозу, так и не рассеявшуюся после гибели жрецов. – Так что хватит небоськать. Дело надо делать!

И Усмарь, размашисто перекрестившись, медленно, словно нехотя, двинулся к храму. Сибур и Тогай переглянулись, одновременно пожав плечами, и тронулись за ним следом, как, впрочем, и остальные дружинники.

– И как же совладать с этакой громадиной? – спросил Тогай, почесав бритую макушку. Алтарь действительно был огромен – в полторы сажени длиной и шириной и в аршин высотой – и весил не меньше тысячи пудов. Даже сдвинуть с места такую махину, не говоря уж о погрузке её на ушкуй, казалось совершенно невозможным.

– Под мышку засунуть, – отозвался Сибур, задававший себе тот же вопрос.

– Под мышку несподручно, – усмехнулся Тогай. – Разве что ты подмогнёшь.

– Подмогну, не сомневайся, – крикнул Сибур, чьи плечи не уступали по ширине тогаевым. Дружинники засмеялись.

– Будет лясы точить, – хмуро оборвал их смех Усмарь. – Тащите верёвки, а там поглядим, кто кому подмогать станет.

Обвязав алтарь крепкими, специально для этого привезёнными верёвками, дружинники взялись за свободные концы и по знаку Усмаря дружно потянули. Камень, как будто пустивший в землю крепкие корни, даже не шелохнулся.

– Не идёт, дядько, – тяжело дыша от дикого напряжения, пожаловался Юрко.

– Сам вижу, – процедил сквозь стиснутые зубы Усмарь. – Ну-ка, ещё разок! Навались!

Дружинники навалились, но результат был всё тем же – никаким. Наконец они бросили бесполезные верёвки и уселись прямо на землю, хватая воздух широко открытыми ртами, как выброшенные на берег рыбы, и утирая блестящие от пота лица.

– Притомились, соколики? – внезапно раздалось за их спинами, и мигом вскочившие на ноги дружинники с немым изумлением уставились на невесть откуда взявшуюся здесь старушку, опиравшуюся на почерневшую от времени клюку.

– Ну да ничего, сейчас мы это поправим, – не обращая внимания на выставленные в её сторону мечи и копья, спокойно продолжила бабка и уверенно двинулась к камню. Так уверенно, что никто из бывалых воинов и не подумал остановить её, а их мечи сами собой опустились к земле.

Подойдя к алтарю, старушка протянула свою ссохшуюся, цветом не намного светлее её клюки, руку и легко, почти

что нежно, погладила его. И Усмарь, не сводивший со старушки настороженного взгляда, вздрогнул: камень, который не смогли сдвинуть с места двадцать ражих мужиков, под её пальцами явственно пошатнулся и даже как будто приподнялся из цепко державшей его земли.

В ту же секунду с Юрко, до этого без особых эмоций наблюдавшим за происходящим, начало твориться нечто странное... и страшное. Его рябое лицо вдруг задёргалось в неудержимом тике, глаза закатились, так что остались видны только белки, губы раздвинулись, сведённые жуткой судорогой и, оскалив зубы, Юрко слепо пошёл к бабке, глухо и вместе с тем раскатисто рыча.

– Держите его! – резво обернувшись, повелительно крикнула бабка, и не посмевшие ослушаться дружинники вцепились в своего обезумевшего сотоварища. Рык Юрка стал на мгновение громче, он легонько присел – и дружинники разлетелись в разные стороны, как подхваченные ураганом сухие листья. Незрячий взор Юрка опять упёрся в стоявшую подле алтаря бабку, и рыжий дружинник снова двинулся к ней, вытянув перед собой скрюченные когтями пальцы.

– Силён, – кивнула, словно с чем-то соглашаясь, старушка – и повернулась к наступавшему на неё Юрко спиной, как будто его тут и не было.

– Силён, – повторила бабка, укладывая свою руку обратно на алтарь. – Да только мы сильнее. Это наша земля, наша вода, наше небо и наша кровь. Нет у тебя здесь власти, нет –

и не будет!

С последним словом старушка слабенько шлёпнула камень своей невесомой ладошкой – и тот внезапно лопнул с пушечным треском, слышимом, наверное, в самом Сузда-ле, развалившись на девять частей. Юрко, которому оставалось сделать до бабки всего два шага, замер – и, не издав ни звука, плашмя рухнул на землю, словно обрезали удерживавшую его нить.

Дружинники, разбросанные Юрком, кое-как поднимались на ноги, ошалело глядя то на расколотый алтарь, то на бабку, то на лежавшего колодой Юрка.

Теребя свою и без того всклокоченную больше обычного бороду, Усмарь приблизился к старушке, опасливо обойдя рыжего дружинника стороной, хотя тот не только не шевелился, но даже, кажется, и не дышал.

– И что теперь, бабушка? – почтительно спросил он, сняв на всякий случай шлем и склонив – чай, шея не переломится! – голову.

– Теперь-то, внучек? – весело переспросила старушка, блеснув совсем не по-старушески глазами. – А теперь вы делайте своё дело, а я займусь, сталбыть, своим. Больше я вам тут не потребна, и даже не уговаривай – года у меня, вишь ты, уже не те.

И бабка задорно рассмеялась, заговорщицки подмигнув в конец растерявшемуся сотнику.

– А с ним что? – пытаюсь скрыть эту свою растерянность,

Усмарь кивнул на неподвижного Юрка.

– А ничего, – жёстко отрезала бабка. – Пусть лежит тут – воронам ведь тоже кушать надо.

– Как-то... не по-людски это, бабушка, – насупился Усмарь.

– Так ведь и он нелюдь, внучек, – прищурилась старушка. – Говорила я его матери: то, чего Мара коснулась, пусть Мара и забирает. Не послушалась Верена, отдала его, да и свою, душу Бел-богу – и получила взамен сына этого упыря.

– Наговор это, старая! – возмутился подошедший к ним Сибур. – Не был Юрко упырём!

– А ты не кричи зазря, – посмотрела на него искоса бабка. – Крик – не дрын, хребта не перешибёшь. Не веришь моим словам – пойди и сам глянь, кто кем был, а кем не был.

Сибур фыркнул, но всё же подошёл к лежавшему лицом вниз Юрку и перевернул его на спину. Усмарь услышал, как Сибур громко сглотнул, а дружинники охнули и подались назад.

– Как же это? – спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Сибур, глядя остановившимся взглядом на чёрное, давным-давно сгнившее лицо Юрка, в пустых глазницах которого копошились жирные трупные черви.

– А вот так, – мягко, словно несмышлёнышу, сказала бабка. – Мёртвый он, с детства мёртвый, хоть и выглядел для всех живым. Бел-бог дал ему эту власть, а я отняла.

– А Верена? – осенённый внезапной мыслью, посмотрел на старушку широко открытыми глазами Усмарь. – Верена тоже?..

– Да, внучек, – печально кивнула бабка. – Тоже.

Усмарь поспешно отвернулся, борясь с приступом тошноты. Ведь он не далее как три дня назад захаживал к матери Юрка и вёл речь о том, чтобы она хозяйкой – и женой! – перешла в его дом.

Когда он справился, наконец, со своей слабостью и вновь повернулся к старушке, той нигде уже не было видно. И никто из дружинников, толпившихся возле мёртвого – на этот раз действительно мёртвого, мелькнула в голове Усмаря горькая мысль – Юрка, не заметил, когда и куда она подевалась. Бабка исчезла так же неожиданно, как и появилась, как будто её и не было здесь никогда.

– Ну, и бог с нею, – пробормотал Усмарь, на которого все эти чудеса действовали просто оглушающе. – А нам ещё эти валуны ворочать надобно... Эй! – крикнул он дружинникам уже в полный голос. – Неча zenки-то проглядывать, мы и так тут слишком долго обретаемся, неровен час, ещё какая нечисть заявится. Давайте-ка грузить каменья и отчаливать отсюда от греха подальше.

Дружинники, которым всё произошедшее здесь тоже было уже поперёк горла, согласно зашумели. И, подойдя к расколотому алтарю, по двое-трое взялись за каждый обломок. Взялись – и едва устояли на ногах, вместо неподъёмной тя-

жести гранита встретив пуховую лёгкость. Обломки на поверхность практически ничего не весили, и поднять их мог играючи даже ребёнок.

– Вот ведь бесовское место! – в сердцах сплюнул Сибур.

– Чего приуныл? – насмешливо посмотрел на него Тогай. – Сам же предлагал под мышку засунуть. Вот и суй!

Татарин коротко хохотнул и, примерившись, действительно подхватил немалый обломок одной рукой, как бабы носят корыто со стиркой на речку.

– Об заклад бьюсь, что эта штука сама поплывёт, ежели её за лодкой привязать, – весело заявил Тогай и едва ли не в припрыжку направился к берегу, где их ждал ушкуй.

– Лучше бы ты лбом побился, глядишь, ума прибавилось бы, – проворчал ему вослед в конец расстроенный Сибур. И, взвалив на плечо обломок не меньше тогаевого, пошёл за татаринком к кораблю.

– Видал я уже такие камения, которые не тонут, – сказал вдруг один из дружинников.

– Ага! – хмыкнул в ответ другой. – Все мы их видали – в отхожем месте!

Воины, слышавшие эту перепалку, захохотали, сбрасывая с себя путы нервного напряжения, в которых их держали необъяснимые события на этом проклятом острове. Даже Усмарь усмехнулся в бороду, подумав, что чудеса чудесами, а жизнь жить нужно. И она, эта жизнь, любое чудо переварит. И в то самое отхожее место им сходит, лишь малую то-

лику его вобрав в свою плоть и кровь.

Когда все обломки алтаря были погружены на ушкуй, Усмарь приказал отчаливать. Ему не терпелось как можно скорее покинуть странный остров, и дружинники, испытывавшие такое же желание, без ропота взялись за вёсла.

– И на кой ляд князю эти булыжники? – зло воскликнул дружинник, при очередном гребке больно рассадивший локоть об один из обломков, теперь, вдали от острова оказавшийся не таким уж и лёгким.

– А это не нашего ума дело! – одёрнул его Усмарь. И бросил прощальный взгляд на отдаляющийся берег. «Бабка?» – подумал он, заметив на том месте, где остался лежать мёртвый Юрко, женскую фигуру. Но тут же понял, что ошибся, и его сердце сжалось, заколотившись, как птица в клетке. Ибо он ЗНАЛ эту женщину, знал, хотя и не мог рассмотреть на таком расстоянии её лица. Усмарь был уверен, что видит Верену, которая должна была сейчас – это он тоже знал наверняка – находиться за сотню вёрст отсюда, в Кучково. А вокруг неё стояли, колыхаясь на ветру, словно клубы дыма, никак не желавшие рассеиваться, прозрачные тени. «Жрецы!» – молнией мелькнула догадка, и Усмарь похолодел от ужаса. Это были тени жрецов, сожжённых дружинниками заживо в своих избах, и тени эти с каждым мгновением становились всё плотнее, всё вещественнее.

– Мать божия, дева всеблагая, смилуйся над нами, грешными, – прошептал Усмарь помертвелыми губами.

И завопил не своим голосом, срывая связки: – Гребите! Гребите, во имя спасения своих душ!

А вслед им нёсся жуткий, монотонный, разрывающий душу вой – вой волчицы, потерявшей своих волчат...

Волки

Зима 1947-48-го годов выдалась в наших краях удивительно долгой. Снежной. И холодной. Морозы с середины декабря и по начало марта держались за минус тридцать, не отпуская своей ледяной хватки ни на день, и зверью в окрестных лесах стало совсем худо. Первыми не выдержали зайцы. Косые толпами бежали из промёрзшего насквозь леса в деревню, и их не пугали ни собаки, рвавшие пришельцев живьём везде, где только их находили, ни люди, в тот голодный послевоенный год соперничавшие по лютости с любой собакой. И обставлявшие её по всем очкам. Во всяком случае, столы в каждой хате на завтрак, обед и ужин буквально ломились от зайчатины – жареной, печёной и варёной, – и хозяева этих столов выходили из-за них, впервые за долгие семь лет, сытыми до икоты.

Вскоре за зайцами поближе к человеческому жилью потянулись лоси. Сохатые без страха выходили на дорогу и лезли прямо в деревенские дворы, откуда пахло теплом и едой. За что и расплачивались своими жизнями: несмотря на обилие зайчатины, от которого многие деревенские давно уже не могли застегнуть свои ремни на последнюю дырочку, память о военном голоде оказалась сильнее. И отпускать дармовое мясо никто не собирался, благо берданка или даже трофейный «шмайссер» были практически в каждом доме.

Так что грохот и треск выстрелов наполнили деревню от околицы до околицы, а воздух в ней пропах порохом и кровью, как во время самых жарких боёв такой недавней войны.

Это тотальное истребление возмущало одного только нашего лесничего Ерофея. Но что мог сделать одинокий калека, потерявший ещё в детстве руку, отчего война обошла его стороной, со звериной – или всё-таки человеческой? – алчностью целой деревни? Ничего. Его увещевания просто никто не слушал, а от угроз написать заявление в милицию и привлечь особо рьяных браконьеров к уголовной ответственности отмахивались, как от зудения надоедливой мухи: все прекрасно понимали, включая и самого Ерофея, что у милиции были дела поважнее выписывания штрафов за несанкционированную охоту. Которую, в принципе, и охотой-то назвать было сложно. И Ерофей, махнув, наконец, на всё происходящее своей единственной здоровой рукой, закрылся в сторожке и запил горькую, чтобы не видеть больше этого непотребства.

А в конце февраля из опустевшего леса вслед за своей исконной – и перебитой людьми практически вчистую – добычей пришли волки.

Первыми поняли, что эти новые пришельцы – не чета прежним, собаки. За какую-то неделю деревенские дворы лишились почти всех своих лохматых и брехливых сторо-

жей, а те псы, что смогли каким-то чудом уцелеть, носа не казали из своих будок и стали удивительно молчаливыми. Если они и показывались наружу на настойчивый призыв хозяев, то передвигались исключительно по-пластунски, с оглядкой, поджав хвосты и опустив уши. А на команду «Голос!» не реагировали вовсе, отвечая разве что еле слышным скулением и выражая такой откровенный ужас, что даже у самых чёрствых людей не поднималась рука наказывать их за непослушание.

Особенно когда наступила очередь и самих людей.

Первой пропала Катерина, двенадцатилетняя дочка Светланы Зыковой, так и не дождавшейся с войны ни мужа, ни старшего сына. Катерина ушла кататься на лыжах с друзьями – и не вернулась. Никто из детворы так и не вспомнил, где и когда она от них отстала; только восьмилетняя Настенька, потерявшая и отца, и мать, и оставшаяся на попечении своей бабушки Февроньи, что-то лепетала о серых теньях, мелькавших то здесь, то там во время их катания. Но кто будет слушать фантазии малолетней сиротки?

Однако о них вспомнили, когда бесследно исчез ещё один ребёнок – Андрейка Беспалов, сын тётки Тони. Андрейка исчез среди бела дня, прямо посреди деревни: пошёл за водой к колодцу, до которого было метров пятьдесят, не больше. И как будто в эту самую воду и канул. Всё, что нашли, это ведро в придорожном сугробе да варежку, увидев которую, Тоня без сил села на землю. И завыла раненым зверем, ма-

теринским сердцем почуяв, что Андрейки она в этой жизни уже не увидит.

А на следующий день пропала и сама Тоня, и деревенские поняли, что на них ведётся планомерная, безжалостная охота.

На этот раз следы были столь многочисленны и очевидны, что придумать какую-нибудь безобидную причину не смог уже никто. И если исчезновение Катерины списали на то, что девочка просто заблудилась и замёрзла в лесу, а пропажу Андрейки – на трагическую случайность (ну, заигрался пацан по пути к колодцу, убежал на задворки да и провалился под лёд на соседнем пруду – бывает), то гибель Тони Беспаловой объяснить как-то иначе, чем нападением волков, было уже невозможно. Лужи крови во дворе её хаты, клочья одежды и плоти, разбросанные по всему участку, и отпечатки огромных волчьих лап говорили сами за себя.

– Теперь они не останутся, пока всех нас не передавят, – оглядев место побоища, прошамкала беззубым ртом бабка Февронья. Настенька жалась к ней встрёпанным воробьём и, спрятав лицо в полу её овчинного тулупа, тихо плакала. Февронья погладила её ссохшейся рукой по голове и, помолчав, добавила:

– Или мы – их. К Ерофею идти надо. Облаву делать.

Ерофей встретил их неприветливо. Окинув похмельным хмурым взглядом толпу баб – мужиков в деревне после войны было раз-два и обчёлся, да и те либо старые, либо квёлые,

либо увечные, – он зачерпнул снега, растёр им изрядно помятое лицо и только после этого заговорил.

– А я ведь предупреждал, что лес долго терпеть не будет. Да вы как с цепи сорвались, били всё, что шевелится... Вот лес и начал бить вас в ответ!

– Дети гибнут, Ерофей, – тихо сказала Февронья. И повторила с упором, словно хотела донести до лесничего какую-то им одним понятную мысль: – Дети!

– А лесу всё едино, что дитё, что взрослый... Ладно! – оборвал самого себя лесник. – Завтра пойдём, едва светать начнёт. Все пойдём, кто ходить может.

Февронья с видимым облегчением кивнула и увела баб обратно в деревню, не сказав больше ни слова. Только на повороте, прежде чем скрыться из глаз, обернулась – и кивнула во второй раз, ободряя. И одобряя. А Ерофей, повздыхав, отправился к себе в сторожку – чистить свою безотказную «Тулку». На початую бутылку «беленькой» он даже не взглянул, хотя выпить хотелось страшно: понимал, что утренняя облава – не потеха. А он и трезвый-то с одной рукой – что половинка настоящего охотника; пьяный же и вовсе ноль. Без палочки.

Ровно в полночь к нему в дверь постучали. Громко и требовательно. Отложив начищенное едва ли не до зеркального блеска ружьё в сторону, Ерофей кряхтя выбрался из-за стола и, набросив на плечи ватник, отправился открывать.

Во дворе его ждали волки. Три огромных матёрых зверя

сидели перед дверью в ряд, выжидательно глядя на вышедшего к ним человека, и в глазах у них не было ни страха, ни угрозы. Как и в глазах Ерофея, без удивления взиравшего на странную эту делегацию.

– Утром будет облава, – вдоволь насмотревшись, спокойно сказал Ерофей. – Уводите своих. И как можно дальше.

– Ты ведь тоже «свой», – также спокойно сказал ему средний волк. – Неужели пойдёшь против семьи?

– Теперь моя семья – здесь, – ответил, ни секунды не колеблясь, Ерофей. – Поэтому да, пойду.

– Их капкан оставил тебя без лапы, забыл? – усмехнулся волк справа.

– А их медики спасли мне жизнь, когда «семья» бросила меня в лесу умирать. Я бы сдох там, если бы меня не нашла бабка Февронья и не отнесла бы в больницу. А потом она выхаживала меня, как родного, и научила быть человеком.

– Вот только ты – не человек, – оскалил в усмешке свои устрашающие клыки средний.

– Я был им сорок лет, – упрямо тряхнул головой Ерофей.

– И потому перестал быть волком? – неприятно сощурился правый, и только теперь в его взгляде и интонации появилась явственная угроза. Средний волк дёрнулся, словно хотел предупредить – или остановить – его, но не успел. Ерофей шагнул вперёд, сбрасывая с плеч ватник, и процедил, сощурившись столь же неприятно:

– А ты проверь.

Правый волк не столько вскочил, сколько перетёк в боевую стойку, принимая вызов. Средний и левый, не произнёсший за всю эту чудную беседу ни слова, поднялись и отошли в сторонку, освобождая место. На несколько мгновений всё замерло, как на фотоснимке. А потом правый волк напряжился, вздыбив шерсть на загривке – и серой тенью, молниеносным прыжком покрыв разделявшее их расстояние, обрушился на человека...

...Утром, ещё до свету, собравшиеся на облаву деревенские обнаружили перепаханный, словно взрывом снаряда, двор Ерофея. И валявшегося посреди него дохлого волка, с разорванной до самого позвоночника глоткой. Всё вокруг было залито уже замёрзшей кровью, но тела лесника нигде найти не смогли. На бабушку Февронью старались не смотреть, помня, что Ерофей был для неё пусть приёмным, но всё-таки сыном. А если бы посмотрели, то увидели бы в её глазах не горе от потери близкого человека, а – радость, вспыхнувшую в них после того, как она осмотрела мёртвую зверюгу. И убедилась, что все четыре лапы у волка целы.

Облава по понятным причинам в тот день не состоялась. А на завтра выяснилось, что надобность в ней и вовсе отпала: из соседней деревни сообщили, что видели большую стаю волков, уходившую из наших лесов на север. Вёл эту стаю огромный зверь, скакавший на трёх лапах. И с совершенно человеческими глазами.

Упырь

Случилось это в году 1954-ом. Наша деревня околицей выходила аккурат на старый лес, про который говорили, что населён он нечистью. Правда, слово «нечисть» употребляли совсем не в ругательном смысле, а скорее по привычке. Ведь в самом деле, не называть же тех странных лесных обитателей, что порой показывались на глаза местным, такими же странными и давно вышедшими из употребления именами, как зыбочник, полянник, ендарь, шишига, бродница, полунница, лобаста? Язык поломаешь, пока всех соберёшь да запомнишь. Да и кого как называть, неизвестно, ведь она, нечисть эта, привычки представляться не имела – нечисть, она и есть нечисть. Что с неё взять-то?

Соседями мы были всегда – иногда добрыми, иногда не очень. Главное в таком соседстве – не мозолить этой самой нечисти глаза, не раздражать её и не лезть к ней без веской на то причины. Тогда и она не станет доставать тебя мелкими пакостями и изводить пакостями побольше. В общем, жить можно, если осторожно.

Как только наши деревенские это поняли – давно это было, лет пятьсот назад, никак не меньше, а бабушка моя Пелагея Макаровна, пусть земля ей будет пухом, трепалась, что и все три тысячи лет прошло с тех пор, как люди обосновались в этих местах... Так вот, как только деревенские поня-

ли, с кем свела их судьба, а главное – как с этим «кем-то» надо уживаться, оставили они нечисть в покое. И не вторгались в её уголья – хотя на первых порах ох как хотелось, больно уж лес в тех угольях хорош был: строевые сосны до неба и зверья, грибов да ягод – хоть косою коси да в стога укладывай. Даже когда Владимир крест принял (а Пелагея Макаровна-то, выходит, не врала, деревне нашей явно поболее пятисот лет будет), наши тоже окрестились, да нечисть не выдали. И попов в те места не пустили: болота там, дескать, мшары затопные да буераки непролазные, ни одной божьей твари там нет, не то что человека, хоть крещённого, хоть нет. Правду, в общем, говорили, ну, окромя болот только. Так вот и повелось: мы их не трогаем, они – нас, и все счастливы.

Вернее, были счастливы... до той истории.

Жила у нас баба одна. Верой звали. Баба как баба, и доля ей досталась бабья: вышла замуж по любви, едва 18 исполнилось... и развелась по ненависти, едва 27 разменяла. остался у неё от этого замужества только сын Алёшка – да хата с худой крышей и вечно чадающей печкой. Помыкалась Вера одна с сыном, помыкалась – и собралась в город за жизнью полегче да побогаче. Хату по утру заколотила, увязала вещи в два узла, взяла Алёшку – и на станцию укатила на попутке. А к ночи вернулась: пешком, без вещей. И без сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.